

*Эта книга посвящается Робу Уилкинсу,
который записал ее большую часть
под диктовку и у которого хватало
здорового смысла время от времени смеяться,
а также Колин Смит,
которая меня подбадривала.*

Песнь в честь богини Пеше-Ходе —
это пародия на прекрасное стихотворе-
ние Ральфа Уолдо Эмерсона «Брама»,
но вы, разумеется, и так уже поняли.

К ночи в анк-морпоркском Королевском¹ музее искусств стемнело.

Новому сторожу по имени Рудольф Разброс каждую минуту казалось, что, в общем и целом, возможно, следовало предупредить куратора. Рудольф боялся темноты, странных звуков, а также, как выяснилось, буквально всего, что видел (а особенно того, чего не видел), слышал, чуял и интуитивно ощущал во время бесконечных ночных дежурств. И бесполезно было уверять себя, что в музее нет ни одной живой души. Это ничуть не помогало

---

¹ Теоретически, в Анк-Морпорке тирания, и этот режим правления зачастую отличается от монархии. Более того, само звание тирана, можно сказать, подверглось переосмыслению трудами человека, ныне это звание носящего, а именно патриция Витинари. Анк-морпоркская тирания стала единственной реально работающей формой демократии. Всякий имеет право голоса, кроме тех, кто не достиг требуемого возраста и не является патрицием Витинари.

И все-таки система работает — и злит немало людей, которые полагают, что она работать не должна, и не прочь видеть на троне монарха. Иными словами, сместить того, кто достиг своего положения благодаря хитрости, глубокому пониманию тайн человеческой души, потрясающей дипломатии, ловкому обращению со стилетом, а главное (что призывали все), благодаря уму, подобному идеально сбалансиро-

и, напротив, значило, что он выделяется на общем фоне.

А потом Рудольф услышал всхлип. Лучше бы он услышал крик. По крайней мере, когда человек слышит крик, то сомневаться не приходится. Если он слышит слабый всхлип, приходится ждать повторения, потому что с первого раза никогда не поймешь наверняка.

Рудольф поднял фонарь в трясущейся руке. Никого здесь быть не должно было. Музейные двери надежно заперли, никто не мог войти. До Рудольфа вдруг дошло, что и выйти никто не сможет. Он очень пожалел, что подумал об этом.

Он находился в подвале — далеко не самом жутком месте из тех, куда заносили его служебные обязанности. Там были в основном старые полки и шкафы, полные вещей, которые уже почти выбросили — но еще не до конца. В музеях не любят

ванной циркулярной пиле, и заменить его тем, кто совершил одно-единственное деяние, а именно родился на свет*.

Тем не менее, в городе по традиции висели изображения короны — на Почтамте, на Королевском банке, на Монетном дворе... а главное, корона присутствовала в шумном, кипучем, громогласном, темном сознании города как такового. В темноте обитает множество тварей. Более того, темнота бывает разная, и в ней живут самые разные существа — изгнанные, заточенные, затерявшиеся или спрятанные по-дальше. Иногда они удирают. Иногда просто пропадают. Иногда больше не могут терпеть.

*Третий вариант — что городом надлежит править некоторому количеству уважаемых граждан, которые пообещают серьезно относиться к своим обязанностям и не обманывать общественное доверие на каждом шагу, — немедленно стал предметом мюзик-холльных шуток по всему Анк-Морпорку.

ничего выбрасывать — а вдруг эти вещи впоследствии окажутся очень ценными?

Снова всхлип, а затем как будто... царапанье по стенке глиняного горшка.

Возможно, где-то на задней полке скреблась крыса. Но ведь крысы не всхлипывают?

А потом полки взорвались. Рудольфу показалось, что осколки глиняной посуды и обломки статуи веером полетели к нему, словно в замедленном действии. Он опрокинулся на спину, а всё расширяющееся облако пронеслось над ним и врезалось в дальнюю стену. Висевшие там полки превратились в щепки.

Разбросс лежал на полу в темноте, не в силах шевельнуться и ожидая, что вот-вот на него набросятся демоны, кишасщие в его воображении.

Дневная смена обнаружила Рудольфа поутру, крепко спящего и покрытого пылью. Они выслушали сбивчивые объяснения, обошлись с бедолагой ласково и согласились, что ему, возможно, и впрямь нужна другая работа. Некоторое время они гадали, что такое стряслось — ночные сторожа даже в лучшие времена бывают людьми загадочными, — а потом перестали ломать голову, потому что нашли *ничто*.

Мистер Разбросс устроился в зоомагазин на Пеликуньей улице, однако уволился через три дня: ему снились по ночам кошмары от того, как котята на него смотрели. Мир бывает очень жесток к некоторым людям. Но он никогда и никому не рассказывал про прекрасную сверкающую женщину, которая держала над головой огромный шар и улыбнулась ему, прежде чем исчезнуть. Рудольф не хотел, чтобы его сочли странным.

Давайте поговорим о постели.

Лектрология, она же наука о спальных принадлежностях, бывает чрезвычайно полезна, если нужно побольше узнать о владельце постели. Пусть даже информация сведется к тому, что он — опытный и оригинальный мастер инсталляций.

Постель Чудакулли, аркканцлера Незримого Университета, например, представляет собой, по сути, полторы постели, потому что обладает полом на восьми столбиках. Она включает небольшую библиотеку и бар, а также искусно встроенную герметичную уборную, сплошь из красного дерева и латуни, что избавляет аркканцлера от долгих, леденящих кровь ночных прогулок с неизбежным риском споткнуться о ковер, пустую бутылку, башмак и тому подобные предметы, непременно попадающиеся в темноте человеку, который молится, чтобы в следующую секунду наконец налететь на унитаз — или, по крайней мере, на то, что будет легко отчистить.

Постель Тревора Навроде — где попало. На полу у приятеля, на сеновале в конюшне, которую оставили незапертой (а стало быть, воздух в ней гораздо приятней), в пустующем доме (хотя в наши дни их почти не осталось). Или же он спит прямо на работе, но всегда держит ухо востро, потому что старик Смимз, кажется, никогда не смыкает глаз и может застукать в любую минуту. Трев способен спать где угодно — и усердно упражняется.

Гленда спит на старой-престарой железной кровати, пружины которой весьма любезно приняли с годами форму ее тела, так что получилось обширное углубление. Чтобы днище этого прохвостова ложа не касалось пола, под него подложена пачка дешевых и пожелтевших любовных романов — из

тех, при виде которых на ум естественным образом приходит слово «корсаж». Гленда умрет, если кто-нибудь об этом узнает. Ну, или умрет тот, кто об этом узнает. А на подушке обычно лежит старенький плюшевый мишка по имени Шатун. Вообще-то, в лучших традициях сентиментального жанра у такого мишки должен быть только один глаз, но в детстве Гленда, принимаясь за штопку, слегка не рассчитала, и Шатун обзавелся тремя. Иными словами, он просвещеннее среднестатистического плюшевого медвежонка.

Когда мать Джульетты О'Столлоп мебелировала детскую, ей сказали, что эта кровать впору для принцессы. Она более или менее напоминает ложе аркканцлера, но скорее менее, чем более, потому что состоит из тюлевых занавесок и очень узкой дешевой койки. Миссис О'Столлоп уже нет в живых. Об этом гласит тот факт, что кто-то подпер кровать несколькими ящиками из-под пива, когда она рухнула под весом выросшей девочки. Мать, по крайней мере, уж позаботилась бы, чтобы ящики, как и все остальное в комнате, были выкрашены в розовый цвет и разрисованы коронами.

Мистер Натт только в семилетнем возрасте узнал, что спать можно на специально предназначенном для этого предмете мебели.

Два часа ночи. Сгустившаяся тишина царила в древних коридорах и галереях Незримого Университета. Тихо было в библиотеке; тихо было в залах. Тишина стояла такая, что ее было слышно. Она как будто забивала уши незримой ватой — всюду, куда распространялась.

Бом!

Еле слышный звук — капля золотистой жидкости в непроницаемо черной чаше тишины — прозвучал и замер.

Тишина царила на лестницах, пока ее не прервало шарканье традиционных мягких тапочек Смизмза, Свечного служителя, который обходил длинные безмолвные коридоры, перемещаясь от подсвечника к подсвечнику и пополняя их из традиционной корзинки. Сегодня ему помогал (хотя, судя по ворчанию Смизмза, помогал недостаточно) один из стекальщиков.

Смизмз именовался Свечным служителем, потому что именно так называлась эта должность в университетских документах почти две тысячи лет назад, когда Незримый Университет только был основан. Следить, чтобы подсвечники, бра и, не в последнюю очередь, люстры не пустели, было бесконечной работой. И самой важной, в представлении Свечного служителя. О, будучи допрошен с пристрастием, Смизмз признал бы, что вокруг и впрямь полно каких-то людей в остроконечных шляпах, но вся эта публика приходила и уходила, а по большей части, просто путалась под ногами. Окон в Незримом Университете было отнюдь не избыток, и без Свечного служителя в коридорах и залах царил бы мрак даже днем. Смизмзу и в голову не приходило, что волшебники могут выйти на улицу и выбрать из бесчисленной толпы кого-нибудь другого, способного лазать по стремянкам с полными карманами свечей. Смизмз был незаменим. Как и прочие служители до него.

Позади послышался лязг, когда кто-то раскрыл традиционную приставную лесенку.

Смизмз развернулся и прошипел:

— А ну, держи эту штуковину прямо!

— Извините, хозяин, — отозвался временный помощник, пытаюсь удержать выскальзывающее из рук и крайне травмоопасное чудовище, в которое превращается любая стремянка при первой же возможности, а зачастую и без таковой.

— И не шуми! — рыкнул Смимз. — Хочешь до конца жизни оставаться стекальщиком?

— Честно говоря, мне нравится эта работа, сэр...

— Ха! Недостаток честолюбия — проклятие рабочего класса. Ну, давай сюда.

Свечной служитель ухватился за стремянку в ту самую секунду, когда злополучный помощник ее сложил.

— Прошу прощения, сэр.

— У макального чана всегда найдется еще одно местечко, — намекнул Смимз, дуя на пальцы.

— Верно, сэр.

Свечной служитель уставился на серое, круглое, бесхитростное лицо. У парнишки был неистребимо дружелюбный вид, который, по правде сказать, приводил в замешательство, особенно если собеседник знал, что конкретно видит перед собой. Смимз это знал. Он только не знал, как это называется.

— Напомни, как тебя звать? Не могу же я *всех* помнить по имени.

— Натт, мистер Смимз. С двумя «т».

— Думаешь, вторая «т» поправит дело, Натт?

— Сомневаюсь, сэр.

— А где Трев? Сегодня дежурит он.

— Он очень болен, сэр. Попросил меня заменить.

Свечной служитель фыркнул.

— Тот, кто работает наверху, должен выглядеть молодцом, Гнутт!

— Натт, сэр. Прошу прощения, сэр. Уж таким я уродился, сэр.

— Ну, по крайней мере, сейчас никто тебя не видит, — заключил Смимз. — Ладно, пошли дальше. И постарайся казаться не таким... короче, просто постарайся никаким не казаться.

— Да, хозяин, но я подумал...

— Тебе платят не за то, чтобы ты думал, молодой... человек.

— Я постараюсь, хозяин.

Через две минуты Смимз уже стоял перед Императором. Глазел на него и должным образом впечатленный Натт.

Гора серебристо-серого воска почти полностью занимала пересечение двух каменных коридоров. Огонь этой свечи — на самом деле мегасвечи, получившейся из многих, многих тысяч сплавившихся огарков, которые поочередно стояли здесь и горели, капая воском и сплавляясь в единое целое, — так вот, огонь этой свечи маячил где-то под потолком, слишком высоко, чтобы по-настоящему светить.

Смимз выпятил грудь. Перед ним была История.

— Взирай, Гнутт!

— Да, сэр. Взираю, сэр. Меня зовут Натт, сэр.

— Две тысячи лет смотрят на нас с вершины этой свечи, Гнутт. Хотя, конечно, чтобы разглядеть тебя, им нужно наклониться.

— Вы совершенно правы, сэр. Очень остроумно, сэр.

Смимз взглянул на круглое дружелюбное лицо и не увидел ничего, кроме исключительного энтузиазма, который казался почти пугающим.

Он фыркнул, раздвинул стремянку (всего лишь прищемив при этом палец) и осторожно полез наверх, пока лестница не закончилась. Дальше шли

ступеньки, которые поколения Свечных служителей вырезали на грубом челе гиганта и поддерживали в должном состоянии.

— Смотри и радуйся, парень, — произнес Смигз, чей врожденный дурной нрав слегка поумерился от соприкосновения с величием истории. — Однажды ты, может быть, станешь... человеком, которому придется влезать на эту священную свечу!

Натт, судя по выражению лица, в этот момент постарался скрыть мелькнувшую надежду, что в будущем его ждет нечто большее, нежели гигантская свеча. Натт был молод, а стало быть, не питал такого уважения к старине, как... старики. Но вскоре добродушная не-вполне-улыбка вернулась. Она никогда не исчезала надолго.

— Да, сэр, — сказал он. Эта фраза всегда срабатывала.

Некоторые утверждали, что Императора зажгли в тот самый вечер, когда был основан Незримый Университет, и с тех пор он горел, не угасая. Несомненно, Император был огромен, что неудивительно, поскольку ночь за ночью в течение двух тысяч лет новую большую свечу зажигали от оплывшего огарка старой и лепили ее на теплый воск. Подсвечник, погребенный где-то под огромными наслоениями восковых потеков, этажом ниже, не видели уже много поколений.

Примерно тысячу лет назад университетские власти проделали большое отверстие в потолке верхнего этажа — и с тех пор Император вырос из дыры на семнадцать футов. В совокупности он представлял собой тридцать восемь футов чистой, натуральной оплывшей свечи. Он служил примером и образцом. Свет, который не гаснет, свеча в темноте, путеводная звезда. В Незримом Университете